

Елена Каракина

Свидания с ПОЭТОМ

Свидание первое

Впервые этот человек мне повстречался песенкой, инъекцией легкости и чуть грустной надежды. Когда она прозвучала? Точно не помню, но явно кстати. Иначе не запомнилась бы. Наверняка была зима, холодно и скользко, и ночи были длиннее дней, и сумрак доминировал в природе, и настроение было соответствующее.

Жизнь зря измеряют годами (ах, как быстро они пролетают), а зимы – нежелательное, но неизбежное приложение к ним. Зима, как ни бодрись, – это полутьма на улице и в душе. Временная смерть деревьев и кустов напоминает об иной, уже не временной неизбежности. Начинает казаться, что зима была всегда – вчера, позавчера, сегодня. И завтра тоже будет зима, и вообще, она не кончится никогда. Мир так и останется в черно-белой гамме, в которой главенствует серый, существование законсервируется в кусачем морозе, в промозглой сырости, в ледяной предательской коре, стелющейся под ноги. И вдруг, неожиданно-негаданно посреди этой безнадеги, теплый голос под легкий звон струн: «Что происходит на свете? – А просто зима. – Просто зима, полагаете вы? – Полагаю. <...> – Чем же все это окончится? – Будет апрель. – Будет апрель, вы уверены? – Да я уверен. Я уже слышал, и слух этот мною проверен, будто бы в роще сегодня звенела свирель. – Что же из этого следует? – Следует жить, шить сарафаны и легкие платья из ситца. – Вы полагаете, все это будет носиться? – Я полагаю, что все это следует шить». При своей головокружительной простоте, а может, в силу ее, песенка (так, во всяком

случае, мне казалось) прогнала тучи, вернула небу голубизну. Декабрь запах фиалками, мимозой и даже ландышами. Чья песенка? Кто сочинил? Ах, не знаем, не ведаем. Слова народные, музыка тоже народная. Понятия не имела, не подозревала даже, что слал мне светлый знак поэт Юрий Левитанский, что это мое первое знакомство с ним.

Свидание второе

Вторая встреча не замедлила. Вскоре в одном из толстых журналов, то ли в «Новом мире», то ли в «Знамени», а может быть, в «Неве» попались мне стихи, подписанные этим именем.

Отрочество – время заносчивости и самоуверенности. Воображаешь, будто знаешь все на свете, и твои суждения непреложны. Это естественно – ведь знаешь так мало! А чем меньше знаешь, тем короче граница соприкосновения с неизвестным. Поэзия в эти годы, в тринадцать-четырнадцать лет, начиналась и заканчивалась Пушкиным. Где-то на отдаленных границах, на периферии напоминали о себе Лермонтов, Есенин и Блок. Остальные же просто не имели права на существование. Тем более современные поэты. Словно по не прочитанному тогда еще «Мастеру и Маргарите» Булгакова:

«– А вам что же, мои стихи не нравятся? – с любопытством спросил Иван.

– Ужасно не нравятся.

– А вы какие читали?

– Никаких я ваших стихов не читал! – нервно воскликнул посетитель.

– А как же вы говорите?

– Ну что ж тут такого, – ответил гость, – как будто я других не читал?»

Вооруженная полудетским снобизмом, я не сумела, не могла вслушаться, разглядеть, понять, что за сокровище попало мне в руки. В стихах Левитанского, которые теперь припоминаю смутно, в строках печальных и вдумчивых было о рифме, о том, что раньше позволено было рифмовать «весна и сосна», а ныне

уж совсем свободно «весна и весла», и спрашивалось, означает ли это новый этап развития души, или просто дает возможность плести иные словесные кружева. И еще что-то о звучании его имени и о том, что в эстонском и украинском языках, где мешались «юра», «море», «сум», что «по-украински означает «печаль», да и по-русски звучит довольно грустно». Чепуха, говорила я себе, автор ужасно претенциозен. К счастью, Юрий Давидович предвосхитил такой подход к его стихам и вообще к написанному:

Всего и надо, что взглядеться, – Боже мой, –
всего и дела, что внимательно взглядеться, –
и не уйдешь, и никуда уже не деться
от этих глаз, от их внезапной глубины.

Всего и надо, что вчитаться, – Боже мой, –
всего и дела, что помедлить над строкою,
не пролистнуть нетерпеливою рукою,
а задержаться, прочитать и перечесть.

Мне жаль не узнанной до времени строки,
И все ж строка – она со временем прочтется...

Свидание третье

Стихи Левитанского были модны в конце 1970-х, и на этой моде, как и на любой другой, лежал отпечаток снобизма. Он был «поэт не для всех», следовательно – поэт для избранных. Те, кто считал себя избранным, многозначительно и свысока объясняли остальным глупышам, что Юрий Левитанский – единственный поэт-философ последней трети XX века, а все остальные, вроде Слуцкого или Самойлова, – так, погулять вышли. За компанию с «нефилософами» Пушкиным, Лермонтовым, Баратынским, Тютчевым. Увы, не только отроки страдают возрастным снобизмом и ограниченностью. Многие успешно сохраняют эти качества до седых волос. Мода же на литературное произведение или

автора еще глупей, нежели мода на одежду, прически, бытовую электроаппаратуру или автомобили. Мода не нуждается в понимании, только в следовании ей. Но что допустимо, и в общем, достаточно безобидно в сфере материальных вещей, становится гадким в области интеллектуальной. Сколько таких мод сменилось за последние лет сорок! Мода на Марину Цветаеву, на Бориса Пастернака, на Валентина Пикуля, на Михаила Булгакова, на Габриэля Гарсиа Маркеса, Акутагаву Рюноскэ... Причем модники в литературе вели себя точно так же, как модники в одежде. Те с отвращением смотрели на «дудочки», когда идеалом силуэта стал клеш, презирали узкие носы, когда на подиум вышли «квадратные, тупые», эти отворачивались от вчерашнего властителя дум, чтобы водрузить на пьедестал свеженького.

Всякое действие рождает противодействие. Какой-то внутренний барьер, незримая препона мешала следовать литературной моде. Да и как может быть сиюминутно модным то, что принадлежит вечности? Не скоро случилась бы в моей жизни следующая встреча со стихами Юрия Левитанского: слишком уж настойчиво его рекомендовали. Но помог случай: мой приятель подарил мне три виниловые пластинки фирмы «Мелодия», записи трех поэтов – Арсения Тарковского, Давида Самойлова и Юрия Левитанского. С них и началось узнавание, принятие и понимание, что эта встреча – навсегда. Со всеми вместе и с каждым из них в отдельности.

Никто не читает стихов лучше, чем авторы. Попробуйте сейчас послушать великих, знаменитых чтецов – Качалова, Яхонтова или Журавлева. Да на второй минуте скулы сведет от скуки. От устаревшей, чрезмерно пафосной, величавой, велеречивой актерской манеры, в которой видится сегодня даже момент самолюбования: «вот как я умею красиво произносить слова». Зато послушайте записи живых голосов Александра Блока, Эдуарда Багрицкого, Владимира Маяковского, Сергея Есенина, Бориса Пастернака, Самуила Маршака. Они потрясают естественностью, они созвучны современности, они вне чтецкой или актерской моды. Никто не чувствует поэзию и не умеет передать ее так точно, как сами поэты. Надо только вслушаться. Надо только «не пролистнуть не терпеливою рукою, а задержаться, прочитать и перечесть».

Если же это сделать, то произойдет эффект, сравнимый с действием наркотика, вызывающего привыкание. Потому что захочется слушать еще и еще, каждый раз открывая новый смысловой и чувственный слой, восторгаясь мастерством, радуясь созвучию. Вначале задевают самые простые стихи:

Кто-нибудь утром сегодня проснется и ахнет,
и удивится, как близко черемухой пахнет,
пахнет черемухой, пахнет любовным признаньем,
жизнь впереди – как еще не раскрытая книга.

Кто-нибудь утром сегодня проснется и ахнет,
И удивится, как быстро черемуха чахнет.
Сохнет под окнами деревце, вьюгой пахнет,
пахнет снегами, морозом, зимой, холодами.

Кто-нибудь утром сегодня совсем не проснется,
кто-нибудь тихо губами к губам прикоснется
и задохнется, как пахнет бинтами и йодом,
и стеарином, и свежей доскою сосновой.

В утреннем воздухе пахнет бинтами и йодом,
и стеарином, и свежей доскою сосновой,
пахнет снегами, морозом, зимой, холодами
и – ничего не поделать – черемухой пахнет.

Пахнет черемухой в утреннем воздухе раннем,
пахнет влюбленностью, пахнет любовным признаньем...
Что бы там ни было с нами, но снова и снова
пахнет черемухой – и ничего не поделать!

Потом приходит время более сложных, привыкаешь к манере выпевания стихов, как к обряду колдовства, как к молитве. Запоминаешь интонации поэта и попадаешь к ним в плен. И невозможно уже произносить его строки иначе, чем произносит их он, хотя когда ты сам читаешь их, то это лишь «с живой картины список бледный». По голосу представляешь себе облик поэта.

Свидание четвертое

Забавно, во время, когда существует не только фотография, но и телевидение, выдумываешь фигуру и лицо, воспроизводишь их по голосу. Представлялось, что Юрий Давидович высокий, худощавый, с пепельно-седыми волосами колечками, немного угрюмый. Его появление на голубом экране в одном из концертов, посвященном Дню Победы, стало сюрпризом. Во-первых, потому что его, не казенного и не карманного поэта, допустили к «многомиллионной армии телевизоров». А во-вторых, потому что он оказался невысоким крепышом, с усами и вовсе не угрюмым. Читал он тогда свое, может, самое знаменитое стихотворение о войне: «Ну что с того, что я там был. Я был давно. Я все забыл». Мой отец, ушедший на фронт добровольцем и очень не любивший рассказывать о войне, сказал тогда, что это самые точные слова о войне, которые ему доводилось когда-либо слышать. Впрочем, Левитанский принадлежал к той плеяде поэтов, которые не допускают неточных слов в свои стихи. И если не гонятся за вычуром звуко сочетаний и допускают глагольные рифмы, и даже настаивают на глагольных рифмах, то знают, зачем они это делают.

Свидание пятое

В те незапамятные времена, когда сотрудники одесского, тогда еще государственного литературного музея ездили ежегодно в командировки в Москву, мне посчастливилось. Был 1987 год, веяло воздухом свободы. Изменялась структура «современной» экспозиции, она дополнялась новыми, ранее не приветствовавшимися именами. Нужно было обойти всех москвичей, собрать все, что они расскажут о своих приездах в Одессу, о своей причастности к этому городу. Своим уловом похвастаться не могу. Почти никого из тех, с кем нужно было встретиться, в Москве не оказалось – был июнь, москвичи сбежали из города. А Левитанский не сбежал. И согласился на встречу сразу же, что называется, без второго слова. Конечно, адреса его я теперь не помню, да и не имеет это сейчас никакого значения. Жил он тогда в районе

очередных московских новостроек в свеженьком многоэтажном доме. Но кабинет его показался таким, как будто он устроен в старой городской хорошо обжитой квартире. Эффект обжитости создавали полки с книгами, занимавшие три стены. Кроме хозяина, в доме никого не было, возникало чувство, возможно, обманчивое, что человек этот одинок. Категорически отказался называть меня по имени – лишь по имени-отчеству. Нет, в Одессе никогда не был, хотя и жалеет об этом. Нет, читать стихи не приедет, неважно себя чувствует. Хотя не так давно выступал с чтением стихов в Харькове, и там собрался полный зал. Об этом Юрий Давидович говорил с какой-то почти детской гордостью, а я не без ужаса думала, собрался ли бы в Одессе полный зал филармонии или, скажем Театра русской драмы, если бы на афишах значилось имя «Юрий Левитанский». А поэт хвалил харьковскую публику и говорил об удивившей его интеллигентности людей, пришедших послушать его стихи. Но куда больше, нежели собственная поэзия, занимало его происходившее в стране. Он-то все понимал про режим, при котором он прожил почти всю жизнь: «Когда мы вошли в Румынию (речь шла о времени войны), то румыны нам говорили: «Чего вы воюете с Гитлером? Вы же с ним совсем одинаковые». Тогда я очень удивлялся и даже обижался их словам – но потом понял, что они абсолютно правы». Левитанский восхищался статьей В. Селюнина, напечатанной в майском номере «Нового мира» и ставшей настольным чтением всей страны. О себе не хотел рассказывать. Несколько раз с гордостью произнес: «Мой друг Юрий Давыдов...» – очень хвалил его последний роман. Да, у Юрия Давыдова действительно прекрасные исторические романы, но хотелось больше узнать о Юрии Левитанском. Не удалось. Впрочем, разве не говорят о судьбе поэта его стихи? Что может быть достоверней и интимней, чем душа, переложенная в буквы и выплеснутая на страницы?

В кабинете стояла стопка книг: только что вышедший сборник Ю. Левитанского «Годы». Он надписал его музею. Вот, пожалуй, и все. Честно признаюсь, разговор не получился, потому что при всей вежливости ну не волновал Юрия Давидовича одесский музей. И перспектива стать его экспонентом тоже абсолютно не волновала. Ну что ж, нам достался хотя бы автограф. Всем

остальным – его стихи, вечное свидание. Даже для тех, кто не знает, что слова песенки «Диалог у новогодней елки» принадлежат поэту Юрию Левитанскому. У него вообще много зимних стихов. Один из них поет Елена Камбурова. Но и не озвученное, это стихотворение сейчас точно по погоде.

Как показать зиму

...но вот зима,
и чтобы ясно было,
что происходит действие зимой,
я покажу, как женщина купила
на рынке елку
и несет домой,
и вздрагивает елочкино тело
у женщины над худеньким плечом.
Но женщина тут, впрочем,
ни при чем.
Здесь речь о елке.
В ней-то все и дело.
Итак,
я покажу сперва балкон,
где мы увидим елочку стоящей
как бы в преддверье жизни предстоящей,
всю в ожиданье близких перемен.
Затем я покажу ее в один
из вечеров
рождественской недели (можно заменить на «тор-
жественной», хотя чушь)
всю в блеске мишуры и канители,
как бы в полете всю,
и при свечах.
И, наконец,
я покажу вам двор,
где мы увидим елочку лежащей
среди метели,

медленно кружащей
в глухом прямоугольнике двора.
Безлюдный двор
и елка на снегу
точней, чем календарь, нам обозначат,
что минул год,
что следующий начат.
Что за нелепой разной кутерьмой,
ах, Б-же мой,
как время пролетело.
Что день хоть и длинней,
да холодней.
Что женщина...
Но речь здесь не о ней.
Здесь речь о елке.
В ней-то все и дело.

Ю. Левитанский. 1970

